

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

Так как же
закалялась сталь?

Виктор Петрович Астафьев в статье «Так как же закалялась сталь?» («КП» 06. 10. 90) высказывает сомнение в авторстве известного романа. С подобной трактовкой «Как закалялась сталь» сталкиваюсь уже не в первый раз.

Сначала небольшой экскурс в прошлое.

Когда Николай Островский приступил к работе над своей знаменитой книгой, он уже был практически неподвижным, слепым, абсолютно больным, медленно умирающим человеком. До этого никаких попыток литературной работы у него не было, по крайней мере наш музей материалами об этом не располагает. Следует сказать, что кисти рук и пальцы у него сохраняли ограниченную подвижность до конца жизни. Он пытался сначала писать на ощупь, затем с помощью транспаранта — картонной папки с вырезанными параллельными полосками, но разобрать написанное было очень сложно. Работа над книгой шла очень трудно и медленно и сдвинулась лишь тогда, когда у Островского появились помощники, которые стали писать под его диктовку. Это прежде всего брат жены писателя Владимир Мацик и соседка по квартире, молодая девушка Галя Алексеева (Галина Мартьяновна Алексеева ныне жива, живет в Москве).

Если взять рукопись книги, которая в настоящее время находится в ЦГАЛИ, то сразу

бросается в глаза, что она написана разными почерками, разными руками, но почти все «добровольные секретари» расшифрованы. А Караваевой и М. Колосова среди них нет и быть не может, ибо люди, писавшие под диктовку Островского, делали подчас такие грамматические ошибки, которые опытный литератор никогда бы не сделал. К концу 1931 года первая часть книги была закончена и вскоре появилась на страницах журнала «Молодая гвардия». Его редакторами в то время были А. Караваева (отв. редактор) и М. Колосов (зам. отв. редактора), то есть люди, которым В. Астафьев приписывает авторство романа «Как закалялась сталь». Вполне естественно предположить, что при подготовке книги к печати Караваева и Колосов приняли участие в редакторской работе над текстом книги. Вот здесь и возникает главный вопрос, насколько эта помощь была именно помощью, не перешагнула ли она рамки редакторской правки, не стали ли редакторы «Молодой гвардии» истинными авторами романа?

Редакторских правок в книге довольно много, но это только правки, а отнюдь не заново написанный текст книги. Более того, мы не располагаем никакими данными о том, что рукопись правил редакторы «Молодой гвардии», а не сам Николай Островский, хотя, на мой субъективный взгляд, сам Островский полностью дове-

сти текст рукописи до журнального варианта не мог.

Хочу еще раз подчеркнуть. Если книга редактировалась Анной Караваевой и Марком Колосовым, то к авторскому тексту они подошли необычайно бережно, сохранив все, что можно было сохранить.

Я имею в виду прежде всего авторский стиль.

Все, что собирается писать о Николае Островском, не должно, мне кажется, забывать о физическом состоянии писателя, когда он работал над своими книгами. Я прежде всего имею в виду тон, интонацию появляющихся статей на эту тему. Сейчас в нашей стране много говорится о милосердии, сострадании. Слава Богу, что наше общество наконец-то повернулось к этой стороне человеческой деятельности и человеческого духа. И поэтому, когда мы говорим о милосердии по отношению к инвалидам, которые нас окружают, к ветеранам войны в Афганистане, будем же милосердны и к нашему писателю, потерявшему более 60 лет назад здоровье, оказавшемуся совершенно слепым, больным, неподвижным, но при этом не сломленным и написавшим книгу, которая, как бы к ней ни относиться, вошла в историю литературы нашей страны.

Д. САРАНА,
старший научный сотрудник
Государственного
музея Н. А. Островского
в Москве.